

Глава 1

Лондон

25 июня 1778 года

Когда лорд Аларик Уайльд был еще совсем мальчишкой, никому во всей Англии и в голову не могло прийти, что когда-нибудь он станет знаменитым. Возможно, печально известным — это еще куда ни шло. Родной отец предрек ему такое будущее, когда Аларика в возрасте одиннадцати лет выгнали из Итона за то, что тот развлекал одноклассников рассказами о пиратах. Дело было не в пиратстве, а в том, что юный Аларик опрометчиво высмеял — представив в образе пьяных матросов — своих недалеких преподавателей. Сейчас, будучи уже взрослым мужчиной, он стал избегать описаний самодовольных англичан в своих записях, но его наблюдательность никуда не делась — будь он в Китае или в африканских джунглях.

Аларик всегда — а если быть точнее, с тех самых пор, как научился складывать слова в предложения — стремился записывать все свои наблюдения и в результате стал писать книги. Аларику, как и всем остальным, никогда и в голову не могло прийти, что эти книги смогут сделать его знаменитым. И сегодня, вставая с койки на корабле «Король Георг», о славе он точно не думал. Все его мысли были заняты только тем, что он наконец готов встретиться со своей семьей, всеми восемью братьями и сестрами и, конечно же, с герцо-

гом и герцогиней. Аларик много лет держался вдали от семьи, словно думая: если не видеть могилу старшего брата Горация, то он будто и не умер. Но пришло время вернуться домой. Аларик мечтал выпить чашку чая, вымыться в настоящей ванне и вдохнуть полной грудью задымленный лондонский воздух. Черт побери, он тосковал даже по тинистому запаху торфа, окутавшему Линдоу-Мосс — болото, простиравшееся на несколько миль к востоку от замка его отца. Он отдернул шторку иллюминатора. В это время в каюту постучался и, не дожидаясь ответа, вошел юнга. Его глаза сияли радостным возбуждением.

— Милорд, сегодня густой туман, но мы уже поднялись вверх по Темзе. Капитан говорит, что мы с минуты на минуту подойдем к Биллингсгейтской пристани.

Аларик вышел на палубу, капитан Барсли стоял на носу корабля, уперев руки в бока. Аларик направился было к нему, но на полпути остановился в изумлении: пристань, проступающая сквозь туман, блестела и сверкала, словно елочная игрушка. По мере того как корабль приближался к причалу, сплошная масса розового, лилового и ярко-голубого цветов разделялась на отдельные части. Пристань была заполнена женщинами, точнее, дамами, если судить по высоким перьям на шляпах и зонтикам от солнца, колыхающимся над их головами. Аларик подошел к капитану, и его губы тронула легкая усмешка.

— Что тут происходит?

— Подозреваю, они ожидают увидеть принца или кого-то похожего. Списки пассажиров, напечатанные в «Морнинг кроникл», — полнейшая чушь. Они будут чертовски разочарованы, когда поймут, что на борту «Короля Георга» нет ни одного представителя королевской знати, — пробурчал капитан.

Аларик издал короткий смешок. Он состоял в родстве с королевской семьей через своего деда.

— Барсли, ваш нос выглядит аристократично, быть может, они отыскивали вашего родственника, о котором вы не знаете.

Капитан в ответ только хмыкнул. Теперь они подошли достаточно близко, чтобы можно было разглядеть, что дамы заполнили все пространство вплоть до рыбного рынка. Толпа колыхалась, словно разноцветные буйки, дамы тянулись, чтобы рассмотреть все получше, но им мешал туман. Отдельные долетавшие визги выдавали возбуждение, если не истерику.

— Просто сумасшедший дом, — с отвращением бросил Барсли. — Как же нам сходить на берег среди этого бедлама?

Аларик посмотрел на весельную лодку, направляющуюся к их кораблю. На веслах сидел портовый рабочий.

— Возможно, они думают, что на борту русский посыл, поскольку мы прибыли из Москвы, — предположил он.

— С какой стати всем этим женщинам высматривать русского?

— Кочубей хорош собой, — заметил Аларик. Лодка с глухим стуком ударилась о борт корабля. — Он жаловался, что английские дамы его прямо-таки осаждали, называя Адонисом, и пробирались по ночам в его спальню.

Но капитан его не слушал.

— Какого черта все эти женщины делают на пристани? — прорычал он, как только гребец стал перелезать через борт лодки. — Освободи место для моего трапа, иначе рыба сегодня получит отличное угощение!

Гребец перевалился через перила на палубу и выпучил глаза.

— Так это правда! Вы здесь! — выпалил он.

— Конечно, я здесь! — рявкнул капитан.

Но мужчина смотрел не на Барсли, он смотрел на Аларика.

*Кавендиш-сквер,
Лондон*

Мисс Вильгельмина Эверетт Ффинч была занята своим любимым делом — она читала. Сидя в кресле, свернувшись клубочком, впитывая каждую букву рассказа Плиния об извержении Везувия, которое он видел собственными глазами. Именно такие повествования она любила больше всего: честные, точные, позволяющие читателю использовать воображение, а не нагнетающие сенсационные подробности. Он потрясающе описал облако дыма как зонт, раскрывающийся все шире и выше.

Дверь резко распахнулась.

— Доставили мой новый капор от мадам Легран! — закричала ее подруга Лавиния. — Посмотри, что скажешь? — Лавиния стала крутиться на месте. Уилла сняла очки и подняла взгляд на подругу.

— Превосходно! А черное перо — просто гениальная находка.

— По-моему, оно прибавляет солидности, — заявила явно довольная Лавиния. — Оно придает мне более благородный вид, если не философский. Как тебе — твои очки.

— Жаль только, что мои очки не такие красивые, как твое перо, — со смехом ответила Уилла.

Лавиния присела на подлокотник кресла Уиллы.

— Что ты сейчас читаешь?

— Рассказ Плиния об извержении вулкана, которое уничтожило Помпеи. Только представь: его дядя решил спасти выживших и устремился в самое пекло. И он хотел, чтобы Плиний пошел с ним...

— Я думаю, лорд Уайльд тоже бы бросился в самый центр катастрофы, — проговорила Лавиния с мечтательным вздохом, полным обожания.

Уилла закатила глаза.

— Тогда он бы тоже погиб, как дядя Плиния. Должна сказать, Уайльд производит впечатление как раз такого человека — который бросается навстречу опасности.

— Но он поступил бы так, чтобы спасти людей! — возразила Лавиния. — Нельзя его за это критиковать.

Лавиния уже привыкла, что Уилла посмеивается над исследователем, которого Лавиния, по ее словам, любила больше всего на свете, ну разве что кроме новых шляпок. И Уиллы.

— Я ужасно рада, что капор успели доставить до приема в замке Линдоу, — сказала Лавиния. — Кстати, чуть не забыла: дорожные сундуки уже собраны, и мама хочет, чтобы мы отправились сразу после ланча.

— Конечно! — Уилла вскочила с кресла и сунула книгу и очки в небольшую дорожную сумку.

— Мне не терпится увидеть дом, где прошло детство лорда Уайльда, — проговорила Лавиния, мечтательно вздыхая. — Я собираюсь как можно скорее пробраться в детскую.

— Зачем? — удивилась Уилла. — Хочешь забрать что-нибудь на память? Игрушку, с которой он играл в детстве, или что-то в этом роде?

Лавиния хихикнула.

— Знаешь, садовникам замка очень сложно дается содержание клумб в порядке: люди срывают цветы и засушивают их между страницами его книг.

Уилла с трудом могла себе представить, какая суматоха поднимется, если лорд Уайльд вдруг появится собственной персоной. Но он уже много лет не был в Англии. Если верить дешевым гравюрам, ему было не до того — он боролся с гигантскими кальмарами и сражался с пиратами. Иногда у Уиллы складывалось такое ощущение, будто все королевство или как минимум его женскую половину охватила лихорадка, и только она одна избежала заражения.

Весь последний сезон, который только что закончился, юные леди обсуждали не столько мужчин, за которых они вполне могли бы выйти замуж и прожить с ними всю жизнь, сколько автора книжек вроде «Саргассово море Уайльда» или «Широты Уайльда».

«Саргассово море Уайльда»? «Широты Уайльда»? По мнению Уиллы, разумный человек, прочитав такое, мог только фыркнуть. Уилла была почти уверена, что в реальности лорд Уайльд самый обычный мужчина — от него так же пахнет виски, он так же рыгает и при каждом удобном случае пялится на женскую грудь. Уилла взяла Лавинию под руку и потянула, заставляя подругу встать с подлокотника.

— Тогда вперед! В замок Линдоу, грабить детскую!

Глава 2

Замок Линдоу, Чешир

Загородная резиденция герцога Линдоу

28 июня 1778 года

Поздний вечер

Аларик шел по длинному коридору в доме, где прошло его детство, и где-то глубоко внутри чувствовал теплое удовлетворение. Рядом с ним шел его старший брат, лорд Роланд Нортбридж Уайльд, или Норт, как он предпочитал, чтобы его называли. Они шли вместе — наследник и «запасной сын», придворный и исследователь. Любимый сын герцога и его опальный сын. И похоже, что печально известный опальный сын. Они были одного роста, со схожими чертами лица и линией подбородка. Но на этом сходство между ними заканчивалось. Что же касается характеров, то они не смогли бы стать еще более непохожими друг на друга, даже если бы нарочно постарались.

— Я не спал с императрицей, — сказал Аларик, когда они подошли к лестнице. Он остановился перед зерка-

лом в золоченой раме, висевшим у входа в замок, хлопнул себя по потрепанному напудренному парикю и поморщился, глядя на себя в зеркало.

— Наверное, мне надо поменять планы и вернуться к русскому двору. Там, по крайней мере, мне не придется носить на голове это уродство.

— Значит, слухи врут? — не унимался Норт. Он подошел и встал рядом с Алариком. — Джозеф Джонсон продает гравюру под названием «Англия берет Россию штурмом». Действие происходит в опочивальне императрицы Екатерины, и герой удивительно похож на тебя.

Они посмотрели друг на друга в зеркале, и Норт невольно отвел взгляд, потом он посмотрел на комковатое сооружение на голове Аларика и нахмурился.

— Боже правый, это твой единственный парик? Отец будет недоволен, когда увидит тебя за обедом. Черт, да он даже мне не нравится.

В этом не было ничего удивительного. Сам Норт носил на голове белоснежное творение, в котором он походил то ли на странного цыпленка, то ли на попугая, окунутого в гипсовую пыль. Не видя брата пять лет, Аларик при встрече с трудом его узнал.

— Я прибыл прямо с корабля, но послал своего лакея в Лондон. Куорлз купит и через несколько дней привезет мне новый парик, но, конечно, он будет далеко не такой элегантный, как твой.

Норт поправил манжеты. Шелковые манжеты. Розовые шелковые манжеты!

— Конечно, ведь мой парик привезен из Парижа и припудрен лучшей кипрской пудрой, какая только есть у Шарпа.

В этот момент в холл вошел Призм, семейный дворецкий. Он был из тех слуг, которые твердо убеждены, что аристократы не могут поступать неправильно. Многолетняя служба у Уайльдов постоянно подвергала ис-

пытаниям это его убеждение, однако он удивительным образом умел не обращать внимания на любые доказательства обратного.

— Добрый день, лорд Роланд, лорд Аларик. Чем я могу быть полезен?

— Добрый день, Призм, — сказал Аларик. — Мой брат полон решимости испортить чаепитие у герцогини тем, что представит меня своей невесте.

— Дамы будут потрясены и придут в восторг, — сказал Призм и слегка кашлянул, скрывая свою растерянность из-за неожиданной известности Аларика.

— Я озадачен не меньше тебя, — заверил его Аларик.

На пристани ему удалось ускользнуть от толпы только благодаря тому, что он нахлобучил шляпу капитана Барсли. И пока он пробирался через толпу, ни одна из женщин, восторженно выкрикивавших его имя, не узнала его. От этого он чувствовал себя еще более странно.

— Минутку, — сказал Норт. Он задержался перед зеркалом, поправляя шейный платок, повязанный замысловатым узлом. — Аларик, приготовься, я подозреваю, что у каждой женщины, которую ты увидишь в этой комнате, есть хотя бы одна гравюра с изображением твоих приключений.

— Герцог говорит, что за время моего отсутствия в Англии они заполонили всю страну. Вообще-то он использовал другое слово — «замусорили».

— Отцу неприятно, что о тебе сплетничают, не говоря уже о том, что собирают твои портреты. Он считает, что твоя известность не соответствует нашему положению в обществе. Помнишь леди Хелену Биддл? Говорят, она чуть ли не весь дом обклеила твоими изображениями, так что при твоём появлении она может упасть в обморок.

Аларик с трудом сдержался, чтобы не выругаться. Хелена Биддл преследовала его еще пять лет назад.

— Она теперь вдова, — добавил Норт, поправляя кудри, свисающие возле его ушей. Аларик подумал, что такими темпами они не отойдут от зеркала и через час.

— С нетерпением жду знакомства с твоей невестой, — сказал он.

Норт обладал способностью выглядеть строгим независимо от своего настроения, но сейчас его лицо смягчилось.

— Просто ищи самую красивую и элегантную женщину в комнате.

Кому какое дело, если за годы его отсутствия Норт превратился в шеголя, подумал Аларик. Его старший брат явно влюблен. Аларик крепко обнял брата одной рукой, рискуя помять его безупречно повязанный шейный платок.

— Я рад за тебя. А сейчас заканчивай возиться с париком и представь меня этому прекрасному созданию.

Призм распахнул двустворчатую дверь зеленой гостиной, где женская половина гостей герцога собралась пить чай. В комнате, куда они вошли, Аларик оказался среди множества вещей, которые он терпеть не мог: шелков, париков, бриллиантов и пресных лиц. Он любил женщин, но не благородных леди, которых воспитывают так, что они могут только хихикать и разговаривать исключительно о моде.

В комнате собрались двадцать самых разных дам, включая его мачеху, герцогиню, но взгляд Норты устремился напрямик на даму, верхняя юбка которой была собрана сзади в турнюр высотой как минимум в три яруса. Ягодицы других дам тоже были украшены турнюрами, но у этой дамы он был больше, чем у всех остальных. Чем больше у тебя ягодицы, тем ты моднее?

— Вот она, — приглушенно сказал Норт так, словно ему посчастливилось увидеть мельком особу королевской крови. Впрочем, если бы объем одежды сам по себе был показателем статуса, мисс Белгрэйв определенно

могла бы претендовать на трон. На ее нижней юбке было больше бантов, а на верхнем платье — больше оборок, чем у кого бы то ни было. А на голове у нее возвышалась целая корзина с фруктами. Аларик невольно нахмурился, спрашивая себя, неужели его брат в самом деле собирается жениться на такой женщине.

— Лорд Роланд... и лорд Аларик, — объявил Призм.

Дамы встретили его появление всеобщим вздохом. Аларик стиснул зубы. Он повернулся к брату:

— Сыграем потом в бильярд?

Норт подмигнул:

— Всегда рад содрать с тебя денег.

Аларик вошел в комнату, потому что отступить было некуда.

К счастью для Уиллы, в тот момент, когда объявили прибытие знаменитого исследователя, она стояла лицом к двери. Поэтому она не опозорилась, резко повернувшись и расплескав чай, как сделали почти все остальные женщины в комнате. Но Уилла не могла их винить за это. Изображение лорда Уайльда красовалось на стенах спален по всей стране, но при этом никто не рассчитывал встретить его в реальности. Увидев его во плоти, дама справа от Уиллы прижала ладонь к груди с таким видом, будто того и гляди упадет в обморок. Уилла подумала, как жаль, что Лавиния опоздала на чаепитие. Когда она услышит новость, то будет корить себя за медлительность.

Аларик вошел в ряды женщин широким шагом, не глядя ни направо, ни налево. На нем были не туфли, которые джентльмены обычно носят в помещении, а прочные сапоги. Он не носил колец, в его парике не было буклей. Уилла раскрыла веер, чтобы получше рассмотреть этот образчик мужественности, как его однажды назвали в «Морнинг пост». Вот чем он определенно не был, так это образчиком моды. Он выглядел так, словно ему больше подошло бы жить в другом столетии. Воз-

можно, в Средние века, когда джентльмены сражались на мечах. Но вместо этого он застрял в эпохе, где мужские носки часто невозможно было разглядеть за пышными розами, украшающими их туфли.

В это время повисшую в комнате тишину нарушили голоса — несколько дам взвизгнули.

— Я вижу его шрам! — пискнул кто-то позади Уиллы.

Только тогда Уилла заметила тонкую белую линию на загорелой щеке. Такая полоса должна бы казаться отгаливающей, но почему-то Уилла так не подумала. О том, как он получил этот шрам, ходило множество слухов, но Уилла всегда подозревала, что на самом деле лорд Аларик просто упал в уборной и ударился головой об угол.

Дальняя родственница Лавинии, Диана Белгрэйв, будущая невестка лорда Аларика, до его появления задумчиво смотрела в окно на сад. Сейчас же она поспешно подошла к Уилле, встала спиной к комнате и прошептала:

— Как ты думаешь, лорд Роланд меня заметил?

Два брата поцеловали руку матери и... повернулись прямо к ним. Уилла чуть было не издала вздох от неожиданности, но она давным-давно дала себе зарок: Вильгельмина Эверетт Ффинч никогда не вздыхает. Но данная ситуация подходила под список тех, когда вздохнуть было как раз уместно: молодая леди — например, Диана — так разочарована своим будущим мужем, что готова пойти на что угодно, лишь бы избежать его общества.

— Да, заметил, — сказала Уилла. — Если надеваешь парик выше, чем у всех остальных, бесполезно поворачиваться спиной и надеяться, что тебя не узнают. Они направляются в нашу сторону, как голуби в свою голубятню.

Глядя, как братья приближаются, Уилла вдруг впервые поняла, почему изображения лорда Уайльда украшают так много спален. В нем было нечто потрясающее.

Он был очень крупным и... по-первобытному энергичным. Жить с подобным качеством было бы крайне неудобно, подумала Уилла. Она же хранила только гравюру с изображением Сократа: вдумчивого, умного мужчины хрупкого телосложения, ненамного крупнее ее самой.

— Уилла, умоляю, заведи же разговор! — прошептала Диана. — Я с трудом пережила за завтраком разговор с лордом Роландом.

Прежде чем Уилла успела ответить, к ним подошел жених Дианы.

— Мисс Белгрэйв, позвольте представить вам моего брата, лорда Аларика. Он только что вернулся из России.

Пока Диана демонстрировала удивительную способность делать реверанс, имея на голове половину содержимого лавки зеленщика, Уилла обнаружила, что у лорда Аларика четко очерченные скулы, губы, которые не посрамили бы даже итальянскую куртизанку, голубые глаза... ах да, и прямой нос.

Эти его портреты, которые можно найти в любой книжной лавке... пожалуй, они плохо передают его внешность.

Он с изяществом поклонился Диане — что было удивительно для человека с такой широкой грудью, — но при этом его камзол натянулся на плечах. Уилла подумала, что тело с такой мощной мускулатурой не может быть настолько гибким. А еще — что сын герцога пользуется услугами не слишком умелого портного.

— Приятно с вами познакомиться, мисс Белгрэйв, — сказал он, целуя Диане руку. — Приветствовать вас в нашей семье — честь для меня.

Диана выдавила из себя слабую улыбку.

Лорд Роланд повернулся к своей невесте, и Уилла чуть было не попятилась. Лорд Аларик был таким большим, что у нее возникло нелепое ощущение, будто он поглощает весь кислород. По крайней мере, это бы объяснило

тот факт, что ее внезапно бросило в жар. Лорду Роланду не терпелось поговорить со своей будущей супругой тет-а-тет, и он быстро отвел ее в сторону. А Уилла осталась наедине с исследователем.

— Лорд Аларик, рада с вами познакомиться.

Получив образование в элитном пансионе, который очень успешно обучал молодых девушек светским манерам, Уилла знала, как правильно вести себя в неловких ситуациях. Сейчас она решила, что лучшим решением будет сделать вид, что толпы дам, стоявших за ее спиной и ожидавших знакомства с лордом Алариком, просто не существует. Интересно, что и лорд Аларик, похоже, тоже не обращал на них внимания. Когда он поднес ее руку к своим губам, его улыбка, казалось, предназначалась ей одной.

— Я тоже очень рад, — прошептал он.

У него оказался глубокий хриловатый голос, что было так же необычно, как и его костюм. Это не был голос придворного. Или юнца, какими были многие из ее поклонников. Это был голос взрослого мужчины. Вместо того, чтобы поцеловать тыльную сторону ее ладони, он поднес к своим губам ее согнутые пальцы и, коснувшись их губами, посмотрел Уилле прямо в глаза.

Уилла была без перчаток, но это не объясняло того, почему ее кожу внезапно начало покалывать. Она почувствовала, что ее губы сами собой складываются в улыбку, совершенно непохожую на спокойное выражение лица, с которым она обычно встречала незнакомцев. Она поспешно отдернула руку и сказала:

— Как я понимаю, вы только что вернулись в Англию. Чего вам больше всего не хватало, пока вы путешествовали по миру?

Голубые глаза лорда Аларика, окаймленные густыми ресницами, были цвета неба в сумерках. Красота — это случайный дар от рождения, но глаза — это другое дело. Красивыми глаза делает горящее в них чувство.

— Я скучал по моей семье, — ответил лорд Аларик. — А кроме этого, по матрасам без вшей, по бренди, доброжелательным слугам, хорошей порции яичницы с ветчиной по утрам. А, ну еще по обществу дам.

— Должно быть, такое обожание опьяняет, — сказала Уилла. Ее задело, что он поставил общество дам на последнее место — после яичницы с ветчиной.

Лорд Аларик лукаво улыбнулся.

— Обожание — это слишком сильное слово. Я считаю, мне крупно повезло, что мои читатели нашли что-то интересное в моих работах.

Уилла позволила себе взглянуть на него с оттенком легкого презрения из-за... из-за его напускной скромности? Хм.

— Мне интересно читать эссе Монтеня о каннибалах, но это не вызывает у меня желания повесить в своей комнате его портрет.

Кажется, он немного удивился. Неужели ему никто никогда не возражал? Или он не знает, что его изображения висят во множестве спален? Она сменила тему.

— Куда вы намереваетесь отправиться дальше?

— Я еще не решил. У вас есть предложения?

— Я не знаю точно, где вы уже побывали, — призналась Уилла. — Боюсь, я одна из немногих людей в королевстве, которые не осведомлены о странствиях лорда Уайльда.

Его глаза под тяжелыми веками открылись чуть шире, уголки рта еще немного приподнялись.

— Уверяю вас, вы не одиноки в том, что избегаете читать мои книги.

Уилле ужасно захотелось пожать плечами, но это, как и вздохи, по ее мнению, не было элегантным способом проявлять эмоции, которые лучше бы держать при себе.

— Тому найдется мало доказательств, — возразила она. — Вы давно не были в Англии, но вы увидите, что ваши книги очень популярны.

— А вы предпочитаете романы? — спросил он.

— Нет. Боюсь, меня не привлекают вымышленные истории.

Он смотрел в лицо Уилле так пристально, что у нее начала слегка кружиться голова. Это ее нервировало.

— Я не выдумываю события, которые описываю, — в голосе лорда Аларика послышались задорные нотки.

— Конечно, нет, — поспешно сказала Уилла. Потом, не удержавшись, добавила: — Хотя, судя по тому, что мне рассказала моя подруга Лавиния, ваши приключения обычно, я бы сказала, экстраординарные. Вы с этим не согласны?

— Нет. — Казалось, он еще больше развеселился. — Что же вы сейчас читаете?

— Письма Плиния к Тациту, но я отложу их в сторону и прочту один из ваших дневников. С чего вы посоветуете начать? Может быть, с каннибалов?

Одна бровь лорда Аларика взлетела вверх.

— С каннибалов?

— Ах, я и забыла! — воскликнула Уилла. — Лавиния говорила, что каннибалы появляются только в пьесе.

Ее слова, будто точка в конце предложения, положили конец его веселью. Он сдвинул брови.

— В пьесе?

— «Влюбленный Уайльд», — ответила Уилла, удивленная, что лорд Аларик не знает о пользующейся огромным успехом пьесе о его жизни.

— Что конкретно происходит в этой пьесе? — Он вовсе не выглядел довольным.

— Как вы, наверное, догадались, вы встречаете одну даму...

Уилла не без удовольствия отметила, что выражение его лица стало еще более страдальческим. В это время у нее за спиной кашлянул лорд Роланд. Уилла вздрогнула от неожиданности. По-видимому, Диана сбежала, оставив Норта одного, и ему не оставалось ничего иного, кроме как присоединиться к ним.